

MISCELLANIA

УДК 882

*Л. Д. Райгородский***ДВЕ ДАТЫ И ДВЕ СУДЬБЫ В ИСКУССТВЕ РОССИИ**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена творчеству русского художника Павла Андреевича Федотова, 200-летие со дня рождения которого отмечается в нынешнем году, художника, чье творчество открывает эпоху критического реализма в изобразительном искусстве России. Рассмотрены его знаменитые картины «Свежий кавалер», «Сватовство майора», «Анкор, еще анкор», «Зимний день. 20-я линия Васильевского острова», портрет Надежды Жданович и портрет графини Ростопчиной.

В статье также анализируется произведение критического реализма в литературе — комедия Евдокии Павловны Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву». Комедия Ростопчиной была опубликована 150 лет назад, в 1865 г., и это событие, и эта вторая дата заслуживают быть отмеченными.

Творчество двух выдающихся представителей русской культуры П. А. Федотова и Е. П. Ростопчиной знаменует глубокое проникновение в жизнь и мотивы поведения жителей России первой половины XIX века, что привело к появлению и развитию в русском искусстве произведений непосредственно посвященных собственно человеку с его заботами и с его сложным и глубоко спрятанным внутренним миром. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: П. А. Федотов, «Свежий кавалер», «Сватовство майора», «Анкор, еще анкор», «Зимний день. 20-я линия Васильевского острова», портрет Надежды Жданович, портрет графини Ростопчиной, Е. П. Ростопчина, комедия «Возврат Чацкого в Москву».

TWO DATES AND TWO DESTINIES IN RUSSIAN ART*L. D. Raigorodski*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the works of Pavel Andreevich Fedotov, a Russian artist. This year we celebrate a bicentennial of this artist whose works open an epoch of critical realism in the Russian pictorial arts. The article discusses some famous pieces by the artist: “Newly Decorated (The morning after the official has first decoration)”, “Major’s Marriage Proposal”, “Encore, Encore!”, “Winter Day. The 20th Line of the Vasiljevskii Island”, a portrait of Nadezhda Zhdanovich and a portrait of Countess Rostopchina. The article also suggests the analysis of a literary piece in critical realism style — a comedy by Evdokiya Pavlovna Rostopchina “Chatskij’s Return to Moscow”. The comedy was published in Moscow a hundred and fifty years ago, in 1865, and this event and this date are both worth mentioning. As the works of these two outstanding representatives of Russian culture, P. A. Fedotov and E. P. Rostopchina, mark a deep insight of life and behavioral pattern of the Russian citizens in the first half of the 19th century, that led to the appearance and further development of art works dedicated specifically to people, with their worries and complicated hidden inside worlds. Refs 13.

Keywords: P. A. Fedotov, “Newly Decorated (The morning after the official has received his first decoration)”, “Major’s Marriage Proposal”, “Encore, Encore!”, “Winter Day. The 20th Line of the Vasiljevskii Island”, portrait of Nadezhda Zhdanovich, portrait of Countess Rostopchina, E. P. Rostopchina, comedy “Chatskij’s Return to Moscow”.

В нынешнем году мы отмечаем двухсотую годовщину со дня рождения замечательного русского художника Павла Андреевича Федотова (1815–1852).

22 июня (4 июля) 1815 г. — знаменательная дата в истории русской культуры. В этот день родился Павел Андреевич Федотов, человек, который вопреки всем обстоятельствам стал художником, который открыл в русском искусстве новую главу, посвященную внимательному непринужденному наблюдению, анализу и живописному изображению повседневных, казалось бы, заурядных бытовых сюжетов, в которых раскрывается внутренний мир их героев.

Жизнь Федотова была недолгой, очень непростой, нередко тяжелой, но несмотря ни на что, под конец она озарилась широкой известностью и славой, которая в конце 1840-х — начале 1850-х годов затмевала тускнеющий блеск творчества Карла Брюллова.

В 11 лет Павел Федотов был определен в Первый Московский кадетский корпус, который блестяще окончил. С 1834 г. началась его служба прапорщиком в лейб-гвардии Финляндском полку в Петербурге, продолжавшаяся 10 лет.

Еще со времен учебы в кадетском корпусе Федотов занимался изобразительным искусством, а во время службы в полку посещал уроки рисования в Академии художеств. Но систематического художественного образования он не получил и во многом был самоучкой. Его талант был замечен и, при поддержке Брюллова, желая посвятить себя живописи, Федотов в 1843 г. вышел в отставку. По милости императора Николая I Федотов удостоился пенсии, которая, однако, могла обеспечить лишь весьма скромную жизнь. Государь, познакомившись с некоторыми «батальными» картинами Федотова, оценил его дарование и предполагал увидеть в нем талантливого художника, мастерство которого будет посвящено армейской тематике.

Крылов, познакомившись с работами Федотова, написал ему письмо, в котором советовал оставить батальную живопись и писать жанровые картины. Последовав этому совету, Федотов стал художником, посвятившим свой талант обыденным, банальным или даже неинтересным событиям повседневной жизни, художником, который умел видеть подноготные аспекты и нередко скрытые даже для самих участников событий мотивы их поведения. Картины Федотова стали очень интересными, психологически емкими, а нередко и драматичными.

Талант Федотова набирал силу, он создал ряд выдающихся картин, из которых мы назовем лишь самые важные: «Свежий кавалер. Утро чиновника, получившего первый крестик» (1846), «Разборчивая невеста» (1847), «Сватовство майора» (1848), «Завтрак аристократа» (1849–1851), «Вдовушка» (1851–1852), «Анкор, еще анкор» (1851).

Этими произведениями открывается эпоха критического реализма в русском искусстве — искусстве, посвященном человеку с его сложным внутренним миром, с которым можно познакомиться, только наблюдая поведение человека и предполагая внутренние мотивы его поступков, мотивы, которые нередко подспудны и скрыты даже от него самого. Федотов оказался тонким и глубоким аналитиком, который сумел ненавязчиво воплотить и показать подноготные струны быта русского человека в своих картинах.

Посмотрим на первую представленную широкой публике и профессионалам картину «Свежий кавалер». Мы видим чиновника, накинувшего на еще не полностью одетое тело несвежий халат с дырами. Вся поза этого человека, с резко и выразитель-

но вздернутыми руками, поднятой головой и взглядом куда-то вверх, призвана показать значительность и даже величие персонажа. Там, куда направлен взгляд чиновника, мы видим подвешенную птичью клетку. (Не намек ли это на то, что сам чиновник тоже живет в клетке, где он обязан служить и выслуживаться по прихотям и под надзором начальства — его хозяев?) Смотрит чиновник в пространство над головой кухарки, которая подошла и молча, но выразительно протягивает ему сапог с драгой подошвой. Он же, не обращая на этот сапог внимания, демонстрирует только что полученный им орден. Палец правой руки, которым он тычет в орден, приподнятые и выставленные локти рук, поджатые губы, как бы запирающие для произнесения каких-либо слов рот, — все это призвано запечатлеть значительность их обладателя.

Но посмотрим на папилютки в его волосах, на босые ступни, на все то, что окружает героя картины после вчерашней пирушки. На столе видим щипцы для завивки волос, зеркало, щетку. Рядом со щеткой графин, колбаса, лежащая на скомканной странице газеты «Ведомости полиции», рюмка. На полу пустые бутылки, осколки разбитой тарелки, селедочные хвосты, игральная карта, гитара с порванными струнами, роман Фаддея Булгарина «Иван Выжигин», некогда бывший «бестселлером», а теперь ставший общим чтивом. Все это дает нам понять, какие убогие интересы заполняют жизнь этого чиновника, а значит и каким убожеством является он сам. Мундир свежего кавалера навешен на спинку стула, ветхое и нечистое сиденье которого когтями обдирает кошка. На стуле рядом лежит его фуражка. А над фуражкой под столешницей еще одного столика можно как в сумерках разглядеть лицо одного из гостей, только что пришедшего в себя после попойки. Заметим, что только что полученный орден мы видим не на мундире, как следовало бы ожидать, а на накинутом халате. Свежий кавалер, видимо, только сейчас нацепил его сюда, на то, что он, видимо, использует как домашнюю одежду, с тем чтобы продемонстрировать кухарке и кому угодно еще этот знак и доказательство своего высокого достоинства. Замечательно написана кухарка. В улыбке на ее симпатичном лице видим и спокойную иронию, и усмешку. В выражении ее лица Федотов удивительно тонко и ясно показал, что она давно и хорошо знает настоящую цену этому свежему кавалеру. У зрителя естественно возникает вопрос: за что этот человек удостоился ордена? Вся сцена дает ответ в виде досадного «многоточия».

Брюллов, который видел картину «Свежий кавалер», советовал Федотову избавляться от многословия, «писать шире, не только вдаваясь в миниатюрность», «не увлекаться сложностью гогартовскою».

Однако в картине «Свежий кавалер» такая «многословность» вполне оправдана, потому что именно такая пустая, мелочная, суетливая и бессодержательная многословность, т. е. суетная многопредметность быта чиновника, полностью выражает его внутренний мир.

Говоря о «гогартовской сложности», Брюллов имел в виду подробности на картинах английского художника Уильяма Хогарта (1697–1764), которые, по мнению автора, позволяют со всей полнотой раскрыть сюжет произведения. Произведения Хогарта Федотов знал.

Знаменитой стала картина Федотова «Сватовство майора».

Глядя на это полотно, мы видим целый спектакль, акт за актом разворачивающийся перед нами, когда мы последовательно и в деталях рассматриваем картину слева направо.

Вот служанка, которая накрывает стол. За ее спиной две женщины, возможно приживалки, обсуждают то, что должно сейчас произойти. А сама служанка спокойно и, хорошо понимая, что происходит, смотрит на невесту, которая разыгрывает невинность и нежелание участвовать в сватовстве и делает вид, что хочет убежать в соседнюю комнату. В выражении ее лица, в позе, в движении рук можно заметить кокетство и жеманство, очевидно непринужденные, привычные. Федотов в стихотворении, посвященном этой картине, так комментировал движение невесты: «И вот извольте посмотреть, как наша пташка хочет улететь» [1].

Мать невесты останавливает ее, подхватив платье («а умная мать за платье ее хватъ»). Поза матери написана очень точно. Она представлена как бы в задержавшемся на мгновение повороте в сторону входной двери. Динамика всего действия передана непринужденно, точно и выразительно.

Следующий персонаж — отец невесты. Это степенный человек, который прекрасно знает себе цену, а значит и цену невесты — своей дочери. Он спокойно смотрит на сваху, потому что все уже решено.

Вошедшая сваха смотрит на хозяина дома, готовая представить жениха, в сторону которого протянута ее рука.

Сам же жених — последний в последовательности актов — это офицер, который хочет жениться на деньгах. Он виден в дверном проеме, как в картинной раме, стоящим в спокойном ожидании. Он подбоченился и самодовольно подкручивает усы. Носитель воинского звания и других отличий, он готов взять незнатную девушку себе в жены, но, конечно же, за соответствующую плату, которая обеспечит спокойное и надежное существование в будущем.

Картина исполнена с поразительным мастерством. То, как написаны ткани одежды служанки, платья невесты и платья матери, убедительно свидетельствует о том, что Федотов овладел самой тонкой живописной техникой. О глубоком понимании Федотовым всех аспектов происходящего на написанной им картине не стоит и говорить. Но Федотов никакими деталями не навязывает своего мнения, а дает возможность зрителям самим составить суждение об увиденном, поставив этот великолепно срежиссированный живописный спектакль, в котором каждый актер, созданный кистью мастера, безупречно точно и достоверно исполняет свою роль. «Подготовка актеров» была особо важной заботой художника. Федотов говорил: «Когда мне понадобился тип купца для моего “Майора”, я часто ходил по Гостиному и Апраксину двору, присматриваясь к лицам купцов, прислушиваясь к их говору и изучая их хватки; гулял по Невскому проспекту с той же целью. Но не мог найти того, что мне хотелось. Наконец, однажды, у Аничкина моста, я встретил осуществление моего идеала... Я проводил мою находку до дому, потом нашел случай с ним познакомиться, волочился за ним целый год, изучил его характер, получил позволение списать с моего почтенного тятеньки портрет... и тогда только внес его в свою картину. Целый год изучал я одно лицо, а чего мне стоили другие. <...>

Моего труда в мастерской... только десятая доля, главная моя работа на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью, я тружусь глядя в оба глаза: мои сюжеты рассыпаны по всему городу, и я должен их разыскивать» [2, с. 144].

За картину «Сватовство майора» Федотов в 1848 г. Советом Академии художеств был удостоен звания академика «по живописи домашних сцен».

Не столь совершенной в технике исполнения, но очень острой и даже болезненной по тематике стала неоконченная картина «Анкор, еще анкор». На картине мы видим лежащего офицера, который командой «анкор, еще анкор» заставляет свою собаку прыгать через палку. Обстановка в доме, в котором живет этот офицер, бедна и безотрадна.

Слева мы можем разглядеть его одежду, повешенную прямо на стене. На столе — простая посуда и скромная еда. А за столом — окно, в которое видна соседняя заснеженная деревянная изба. По виду этой избы и по убогой обстановке жилища мы можем понять, что офицер служит в какой-то глуши, в бедной провинции и живет в такой же избе, что видна за окном. Судя по предметам, находящимся в комнате, домашний быт и занятия очень незамысловаты и лишены разнообразия. Иногда офицер играет на гитаре, которую мы видим у него за спиной. Но интересных, захватывающих дел нет, и офицер, борясь со скукой, развлекает себя муштрой собаки, которая прыгает через палку, подчиняясь команде «анкор, еще анкор». И нетрудно понять, что такой же изнуряющей бездушной муштре каждый день подвергается и сам офицер в порядке армейской службы и быта. Эта муштра выхолащивает и интеллект, и волю человека. Результат — гнетущая пустота, одиночество и безысходность.

Глядя на картину, мы чувствуем всю безнадежность настоящего и будущего в жизни этого офицера. Даже воздух в избе написан так, что нам, зрителям, становится трудно дышать. Картина невероятная по силе передачи ощущения жуткой неразрешимости бедствия гибнущей жизни неизвестного офицера, зажатого, как тисками, воинской дисциплиной и подчинением.

Еще одна картина, которую мы обсудим, называется «Зимний день. 20-я линия Васильевского острова» (1850–1851). Это единственный пейзаж, написанный Федотовым.

Мы видим идущего по заснеженной улице человека, несущего рулон бумаги. Улица эта — 20-я линия Васильевского острова Санкт-Петербурга. Глядя на картину, зритель, даже если он не живет в этом городе, непременно почувствует, как безотрадны и грустны короткие светлые, но блеклые часы петербургских зимних дней и как одинок человек, оказавшийся на улице погруженного в зиму Петербурга, одинок и тогда, когда по той же улице бредут еще и другие люди. Тусклое серое небо и серые потускневшие стены домов, которые кажутся призраками...

Эта картина — «Зимний день. 20-я линия Васильевского острова» — портрет зимнего Петербурга, поседевшего снегом и инеем, города, который служит как бы литейной формой, в которой отливается характер каждого его жителя.

«Федотов смотрит на мир по-своему, остро и насмешливо, страдая от его несовершенства», — говорил Брюллов [3, с. 11].

Картины Федотова производили очень сильное впечатление на зрителей. «Что заставляло стоять перед ними на выставках такую большую толпу посетителей, что привлекало к ним приходивших в ростопчинскую галерею... это верность действительности, иногда удивительная, разительная верность», — так отзывались московские журналы на выставку произведений Федотова, которую устроил в 1850 г. в Москве в своей галерее А. Ф. Ростопчин [4, с. 317]. В доме Ростопчина Федотов познакомился с Гоголем, который тепло отозвался о его картинах. Федотов с большим удовлетворением воспринял мнение Гоголя: «Приятно слушать похвалу от такого человека. Это лучше всех печатных похвал» [5, с. 83].

«Бытовые» картины Федотова оказали значительное воздействие на художников России. Важнейшей стороной русского искусства стал психологизм произведений, что способствовало тому, что и зрители стали ждать не только «красивых» картин, но картин, которые бы дали им возможность увидеть и понять суть и причину жизненных явлений.

Федотов писал также портреты. Из них, быть может, самым удачным был портрет Надежды Жданович за фортепьяно (1849). Эту картину можно отнести и к жанровым произведениям, но главное в ней — портрет. Надя Жданович была сестрой друга Федотова, с семьей которого художника связывали добрые отношения. Девушка, играющая на фортепьяно, написана с очень теплым чувством. Ее взгляд обращен к нам, на лице едва наметившаяся улыбка. Пальцы ее рук легко скользят по клавишам, и нам чудятся негромкие звуки музыки.

Лицо девушки написано тщательно и подробно, а фон — поверхность стены — широкими, размашистыми мазками. Падающая на стену тень написана тоже условно. И здесь, в этом произведении, мы видим Федотова как сильного и необычайно чуткого мастера.

Обратимся еще к одному портрету работы Федотова. Портрет этот не столь совершенен, как портрет Надежды Жданович, но он чрезвычайно интересен и ценен тем, что это портрет графини Евдокии Петровны Ростопчиной, женщины, которая стала знаменитым русским поэтом первой половины XIX века.

Примечательно, что портрет был написан в 1850 г., т. е. в тот год, когда в Москве в галерее мужа Ростопчиной были выставлены картины художника.

Графиня Ростопчина, урожденная Сушкова, родилась в Москве в 1811 г. С 13 или 14 лет начала писать стихи. Ее талант развивался и креп стремительно, и ее стихотворение «Талисман» без ведома автора было опубликовано в пользовавшемся авторитетом в среде творческой интеллигенции России альманахе «Северные цветы» за 1831 г. Лермонтов посвятил девушке-поэту в этом же году стихотворение «Додо» (Додо — так сокращали имя Евдокия в ее семье и близкие ей люди):

Умешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унижить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Так в *Талисмани* стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока [6, с. 267].

В 1830-е годы лирическая поэзия женщины-поэта становится широко известной. Ее стихотворения печатаются во многих журналах и распространяются в списках.

В 1833 г. Евдокия Сушкова вышла замуж за графа Андрея Федоровича Ростопчина. Их дом посещали выдающиеся представители культуры, которых привлекали сюда талант и ум графини.

В 1836 г. Ростопчины переехали в Петербург. В их доме был открыт салон, в котором бывали многие выдающиеся поэты, писатели, композиторы и артисты. В кон-

це 1830-х — начале 1840-х годов расцветает слава Евдокии Петровны Ростопчиной. Еще в 1834 г. критик И. В. Киреевский говорил о Ростопчиной как о выдающемся поэте и как «об одном из самых блестящих украшений нашего общества» [7, с. 65], а в 1840 г. другой критик П. А. Плетнев писал: «Она без сомнения первый поэт теперь на Руси» [8, с. 50]. Примечательно, что эта оценка Плетневым таланта Ростопчиной относится ко времени, когда ее стихотворения еще не были опубликованы в сборнике, а распространялись и читались в журналах и списках. Первый сборник ее стихотворений вышел в Санкт-Петербурге в 1841 г. Здесь уместно процитировать отрывок стихотворения Лермонтова «Графине Ростопчиной»:

Я верю: под одной звездой
Мы были с вами рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны [6, с. 522].

(Это стихотворение было написано в альбом Ростопчиной, подаренный ей Лермонтовым в апреле 1841 г. Опубликовано оно было уже после гибели поэта, в том же году.)

Слова Лермонтова не были «альбомной» лестью — Евдокия Петровна Ростопчина была в это время признанным и популярным русским поэтом самого высокого уровня.

Во время поездки за границу в 1845 г. Ростопчина написала балладу «Насильный брак». В этой балладе в аллегорической форме была осуждена политика России в отношении Польши, которой Россия навязала «брак». Встретив в Риме Гоголя, она показала ему балладу. Прочитав ее, Гоголь дал такой совет: «Пошлите в Петербург; не поймут и напечатают. Чем хотите, ручаюсь» [9]. Предсказания Гоголя оправдались — баллада была напечатана в газете «Северная пчела». Цензура, привыкшая к частым публикациям стихотворений Ростопчиной, проглядела смысл баллады и пропустила ее в печать. Но император Николай I все понял, ожесточился и запретил графине Ростопчиной жить в Петербурге.

Возвратившись из-за границы, Ростопчина с мужем с 1847 г. стала жить в Москве. В 1849–1854 гг. в ее доме проводились «литературные субботы», в которых принимали участие Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. Н. Островский и др. Их привлекал сюда талант и тонкий ум графини.

Вновь поселившись в Москве, Евдокия Петровна Ростопчина, ставшая уже умудренной жизненным опытом женщиной, по-новому увидела не только быт и закусную жизнь светского московского общества, но и смогла проникнуть в его духовную и нравственную атмосферу.

В 1856 г. Ростопчина написала стихотворную комедию «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» — продолжение комедии Грибоедова «Горе от ума». Заметим, что в 1854 г. вышло третье издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» с массой купюр и «исправлений».

Для того чтобы оценить комедию Ростопчиной, ее, конечно же, надо прочитать. Здесь мы дадим лишь канву и отметим основные моменты.

В Москве в доме Фамусова спустя много-много лет опять появляется Александр Андреевич Чацкий. Теперь это 48-летний человек, ученый, приехавший «из Брюсселя... с конгресса ученых и любителей наук». Предметами занятий Чацкого являются статистика и геология. О том, что произошло за прошедшие 25 лет, Чацкий узнает

частично от Фамусова, а подробно от графини Хрюминой, внучки. Мы помним, как завершился скандал в доме Фамусова в «Горе от ума». Фамусов обращается к дочери Софье со словами:

Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю:
Еще два дня терпения возьми,
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми:
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов [10, с. 220].

Графиня Хрюмина сообщает возвратившемуся Чацкому, что произошло далее (цитируем по первому изданию комедии Ростопчиной [11]):

Отец ее увез...
Ну, было крику, было слез!..
Год целый ни на шаг он из своей усадьбы...
Не выпускал ее, бранил, журил, пугал;
А через год, — вдруг слышим, обвенчал,
Секретно выписав в Саратов Скалозуба!..

Скалозуб — теперь муж Софьи Павловны — сделал, не без участия супруги, блестящую карьеру, стал генералом, а позже и военным губернатором:

Он с подчиненных взятки брал...
А губернатором с тех пор как он попал,
Он грабить стал обеими руками.

У Скалозубов четверо детей — две девушки и двое юношей-студентов. Девушек обучает и воспитывает 32-летний учитель Петров. Сыновья учатся в университете. Алексей Степанович Молчалин стал действительным статским советником.

Жену красавицу, да пары две малюток
На радость он завел себе!..
Она — из Полек, — просто чудо!..

Так говорит 78-летний Фамусов, который, по словам графини Хрюминой, «и теперь еще шалит» и «без памяти влюблен в нее», в жену Молчалина Гедвигу Францовну, которая «здесь в доме царствует, — и здесь ей все подвластно!».

Заметим, что учитель Петров «шалит» и с 18-летней дочкой Скалозубов Верой и с ее мамой Софьей Павловной.

Мы встречаем многих известных нам героев комедии «Горе от ума», но за прошедшие годы многое изменилось, пришли новая мода и новые взгляды. Вот появляются княжна Зизи Тугоуховская и ее сестра Мими, ставшая женой профессора Феолагинского, которые «одеты почти амазонками, в темные суконные платья, с куртками; на них мужские жилеты, мужские сорочки... Обе сестры обстрижены, завиты и причесаны как мальчишки... У них беспрестанно во рту сигарки... и вся обстановка их напоминает эмансипированных женщин, парижских карикатур». Вот так. В России зарождается эмансипация женщин, которая, как отметила Ростопчина, порой воплощается в карикатурном поведении.

Здесь важно обратить внимание на то, что и у Федотова в незаконченной картине с выразительным названием «Жена-модница» или «Львица» (1849) главным героем является дама тоже с «сигаркой» во рту, надменно поднявшая голову и всем своим видом демонстрирующая независимость.

Новые веяния овладевали умами россиян уже с середины жесткого царствования Николая I. Из них наиболее серьезными были славянофильство и западничество. И представители этих двух «направлений» очень красочно изображены в комедии Ростопчиной.

Доморощенными славянофилами стали супруги Горичевы: «Наталья Дмитриевна очень полная и важная дама, в сарафане, душегрейке и повойнике. Муж ее в русском кафтане, в русских сапогах...».

Чацкий:

Что это?.. святки, маскарад?

Графиня (насмешливо):

О, нет!.. Патриотизм... славянофильство.

Наталья Дмитриевна:

Мы, русские душой, — посвящены

Святому делу возрожденья!

Платон Михайлович (взывая яко лев):

...прочь разврат, грехи нововеденья, —

Мы воскресим обычай старины...

Наталья Дмитриевна (причитывая):

За западом гнилым зачем идти нам следом?

У нас свой Русский дух... у нас свой Русский ум...

Прочитав эти хорошо знакомые нам слова, мы, граждане России XXI века, вместе с Чацким невольно задаемся вопросом:

Так стало быть — Москва стареет, —

Но не меняется?

Кроме доморощенного славянофильства появилась идеология нового общественного явления и его теория. Одним из идеологов славянофильства в комедии стал новый персонаж — поэт Элейкин (40 лет), который восклицает:

России не хочу я знать! Люблю лишь Русь!

(Горичевы бьют в ладоши).

Элейкин:

Прочь, ложь и соблазны науки,

Искусства и мудрость людей!..

Словенские души и руки

Невинней без ваших затей!..

Зачем нам уменье чужое?..

Своим мы богаты умом!..

От запада разве лишь злое

И вредное мы перейдем!..

(Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна рукоплещут неистово).

Да здравствуют наши трущобы,
Разгул, старина, простота...
Без распрей, без лести, без злобы,
Здесь жизнь и сладка и чиста!..

Наталья Дмитриевна (вскрикивая с восторгом):
Браво!.. браво!.. Вот он — патриотизм священный!
Вот мудрость, простота!.. Вот к родине любовь!..

Идеологом западников представлен профессор Евлампий Моисеевич Феологинский (39 лет), муж Мими — Марьи Павловны. У профессора есть преданный ученик — студент и современный поэт Цурмайер.

Марья Павловна (очень важно):
Мой муж готовит лекцию.

Княжна Зизи (подбоченясь фертом, закуривая папироску, говорит сиплым басом):
Она

Трепещет интересом: *Иван Грозный*
Разобран строго в ней, — сполна,
И совершенно с новой точки —
Как читатель Лютера... как тайный протестант!..

...Вас смелость новизны, — я вижу, испугала?..
Но слишком долго нас рутина подавляла...

Феологинский:
Вот в чем великий наш прогресс, —
Нам над старьем дающий перевес!..

Фамусов, уже хорошо знакомый со всеми этими новшествами, тонко подметил:

Колумб, — учили нас, — Америку открыл...
Открыть что есть, — какой же труд?..
У нас открытия бывают поважнее!..
У нас ученые, старанья не жалея,
В Истории таких диковинок найдут,
И до таких чудес дойдут,
Каких и не бывало с роду!..

Западник Феологинский:
Мы человечеству широкие объятья
Отверзли!.. Люди нам ученики и братья,
Все, все до одного!.. Да!.. мы не стеснены
Условным, мелочным, квасным патриотизмом!..

Славянофил Элейкин:
Скажите напрямик: — Мы бредим уравнием,
Мы изменить вселенную хотим...
Ослабить собственность всеобщим разделеньем,
Всем землю поровну клочками раздадим, —
И грамотой людей преобразим...
О!.. Не дай Бог дожить до вашей перемены!..

Чацкий попытался образумить и славянофилов, и западников:

Друг друга не понять вам никогда...
У тех и у других по мне уважить надо
Начало доброе...

Обращаясь к Элейкину:

Да, я люблю в вас преданность к России,
Почтенье к старине, дух русский, русский ум,
Но не могу, забыв успехи вековые,
Сочувствовать тоске и пылу ваших дум...
Нельзя событий истребить, —
И стрелку на часах времен переводить!..
Поверьте, господа, — я тоже патриот, —
Не меньше вас люблю я Русь святую, —
Хотя не облекусь в одежду шутовскую, —
Чтоб рассмешить на улице народ...

Обращаясь к Феологинскому и Петрову:

Поставим общество вверх дном...
Перевернем весь мир во имя просвещенья,
Главами братства заживем!..
Не это ли смысл вашего учения?..
О! проповедники слепые уравниенья...

И все, что впереди, посеянное вами,
Взойдет погибелью над нашими сынами!

Поразительно, что многое из того, о чем сказал Чацкий славянофилам и западникам, действительно произошло в России в XX веке, и потому его слова, т. е. слова самой Евдокии Петровны Ростопчиной, воспринимаются как сбывшееся пророчество.

Ростопчина никак не навязывала читателям своего мнения, и в этом она близка художнику Федотову. Она лишь честно и объективно наблюдала и рассказывала о том, что и как происходило в московском светском обществе. Но славянофилы и западники того времени увидели в комедии «Возврат Чацкого в Москву» злую насмешку над их идеалами. Западники подвергли злой критике это произведение, называя автора «салонной ретроградкой». А вместе с тем многие славянофилы и западники занимались лишь пустопорожним разглагольствованием, благополучно принимая все то, что они получали от ненавистного им строя.

В стихотворении «Моим критикам», написанном в 1856 г., Ростопчина сказала:

Я разошлася с новым поколеньем,
Прочь от него идет стезя моя,
Понятьями, душой и убежденьем
Принадлежу другому миру я [12].

Комедия была опубликована лишь в 1865 г., через 7 лет после смерти Ростопчиной в 1858 г. и через 9 лет после ее написания. Поэтому сейчас мы должны отметить и эту дату — 150 лет назад увидело свет очень содержательное и чрезвычайно

интересное произведение, о котором мы скажем так: комедия Евдокии Петровны Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву» принадлежит *критическому реализму в литературе*, начало которому дал Александр Сергеевич Грибоедов своей комедией «Горе от ума», созданной в 1825 г. А тем, кто основал критический реализм в изобразительном искусстве России, был Павел Андреевич Федотов. И неудивительно, что герои Ростопчиной и Федотова похожи и характером, и поступками. Знакомясь с ними, мы знакомимся с «невидимым» миром Москвы позапрошлого века. Плоды творчества Федотова и Ростопчиной стали драгоценностью русской культуры XIX века.

Опубликованная комедия «Возврат Чацкого в Москву» успеха не имела. Пришла новая эпоха — эпоха Александра II, который не только освободил крестьян, отменив крепостное право, но и раскрепостил все общество, что особенно остро ощущалось жителями России после властного правления его отца. У русского читателя самый большой интерес стал вызывать обыкновенный человек, и русская литература в своем понимании и объяснении сложного и неоднозначного внутреннего мира человека дала миру великие, непревзойденные и до сих пор произведения.

Но сейчас, 150 лет спустя, мы вновь с интересом обращаемся к творчеству графини Ростопчиной, к ее комедии, читая которую, мы приходим вместе с Чацким в Москву середины XIX века, узнаем быт и характер ее жителей и с удивлением замечаем, что многое из того, с чем мы познакомились в комедии 1856 г., повторяется и в наше время.

В последнее время лирическая поэзия Е. П. Ростопчиной и ее комедия «Возврат Чацкого в Москву» вновь издаются [12, 13].

Литература

1. Федотов П. А. Рацея (Объяснение картины «Сватовство майора») // Поэты 1840–1850-х годов. Л.: Советский писатель, 1972. Ст. 250. (Библиотека поэта. Большая серия.)
2. Островский Г. Рассказ о русской живописи. М.: Изобразительное искусство, 1989. 357 с.
3. Сергеев А. Н. Русские живописцы. М.: Белый город, 2006. 46 с.
4. Молева Н. М. Москва — столица. М.: Олма-пресс, 2003. 670 с.
5. Шкловский В. Федотов. М.: Молодая гвардия, 1965. 208 с. (Жизнь замечательных людей.)
6. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 755 с.
7. Киреевский Н. В. Полн. собр. соч. в 2 т. М., 1911. Т. II. Путь. 297 с.
8. Молева Н. М. Гоголь в Москве. М.: АСТ: Олимп: Астрель, 2008. 288 с.
9. Берг Н. В. Графиня Ростопчина в Москве. Отрывки из воспоминаний // Исторический вестник. 1893. № 3. 694 с.
10. Грибоедов А. С. Горе от ума: 3-е изд. СПб., 1854. 227 с.
11. Ростопчина Е. П. Возврат Чацкого в Москву, продолжение комедии Грибоедова «Горе от ума». СПб., 1865. 140 с.
12. Ростопчина Е. П. Талисман. Избранная лирика. Документы, письма, воспоминания / подг., сост., вступ. ст. и прим. В. Ф. Афанасьева. М.: Московский рабочий, 1987. 276 с.
13. Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., коммент. А. И. Ранчина. М.: Правда, 1991. 448 с.

Статья поступила в редакцию 30 января 2015 г.

Контактная информация

Райгородский Леонид Дмитриевич — профессор; raigor-spb@mail.ru

Raigorodski Leonid D. — Professor; raigor-spb@mail.ru